

18+

Л. С. Фокс

**КТО ШУМИТ
НА ЧЕРДАКЕ**

Л. С. Фокс

Кто шумит на чердаке

«Издательские решения»

Л. С. Фокс

Кто шумит на чердаке / Л. С. Фокс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519019-2

Не всегда то, что мы слышим, находясь дома в одиночестве, — это естественные звуки. Есть ли в них что-то привычное, поддающееся объяснению? А может, это воздействие паранормальных явлений? Вы точно выключали свет? Или кто-то хотел обратить ваше внимание? А что, если вам не кажется? А что, если вы зря не обращаете внимания на шум? Но когда он начинает пугать, Вам придётся начать разбираться. Если Вы прежде не сойдёте с ума. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-519019-2

© Л. С. Фокс

© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ 1. БЕЗ ТЕБЯ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Кто шумит на чердаке

Л. С. Фокс

Умеют ли розы хранить секреты?

© Л. С. Фокс, 2020

ISBN 978-5-0051-9019-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ 1. БЕЗ ТЕБЯ

– **Всё будет хорошо?**

Она подняла голову и посмотрела на своего мужа. Они минут пять просто стояли в объятиях друг друга и молчали. Затем он начал курить, и дым нежно обволакивал их, словно желая укрыть, спрятать от всех обстоятельств, которые так внезапно навалились за последнюю неделю.

– Да. Конечно, – она улыбнулась. Голос звучал вполне утверждающе. Ольга медленно набрала воздух в лёгкие и вздохнула с облегчением: ей вовсе не хотелось показывать слабость или страх в этот вечер. Она не хотела выдавать ни волнений, ни переживаний, которые грызли где-то глубоко внутри. Только спокойствие и ободрение. Сейчас это нужно было им обоим.

– Ты уверена? – уже без того оттенка беспокойства, гораздо мягче поинтересовался он. – Справишься?

– Ради Тебя. Ради неё. Я уверена, – заверила она, ласково погладив голову мужа.

Константин выдохнул сигаретный дым вместе с остатками волнения. Позволил жене обнять его голову, вдохнув молочный запах с её груди, такой непривычный, хотя прошло больше года с рождения их дочери. После этого Оля ни разу не использовала духи и эфирные масла, к которым он так привык.

В принципе, с появлением Евы всё у них очень изменилось.

– Хорошо так, – шепнул он, обнимая любимую. Сигарета тлела, испуская томный дым. Ольга терпеливо подождала, пока её муж приткнул окурки в переполненную банку из-под оливок. Переполнена она была не оливками, разумеется.

– Идём, – тихо поманила она в дом, нежно потянув за руку, легко охватывая мужскую кисть своими пальцами. – Пока Ева крепко спит.

Ночь началась для них незаметно. Время беспощадно, секунда за секундой, приближала следующий день. Времени осталось так мало, а так много хотелось. Так хотелось задержаться с друг другом подольше. И они жертвовали сном, только бы ещё немного побыть рядом, только бы ощутить на коже горячее дыхание, удержаться за разгорячённые тела, разделить между собой это тепло, любовь, страсть. Надышаться этим любовным жаром, заставить сердце биться так часто, так громко, чтобы заглушить ненасытность на год вперёд. Чтобы не было холодно. Чтобы всегда грели воспоминания. Чтобы эта ночь перед разлукой была словно вчера. Чтобы не думать, что они не увидятся ещё год.

– Ох, – выдохнула Ольга, опускаясь нагой грудью в подушки. Сердце бешено колотилось, уши на секунду заложило. Константин медленно упал рядом, стараясь дышать тише, после ненасытной гонки за кратковременным удовольствием. Они не двигались, лишь сплели пальцы в единый замок. Стало тихо. Из соседней комнаты слышалось мирное сопение ребёнка.

Женщина, не шевелясь, взглянула на часы. Яркие цифры показывали 3:18.

«Три часа до будильника. Три часа и десять минут. И Я его не увижу».

– Тебе надо поспать, – тихо и совершенно несчастно, грустно сказала Оля. Услышав свой голос, она приподнялась на локте и постаралась реабилитироваться улыбкой и заботливым выражением лица. Однако на этот раз Константин не дал себя обмануть.

– Не первый раз не сплю ночь. И не последний. Всё равно не усну сейчас.

Он поднялся и вышел в коридор. Оля слышала, как чиркнула спичка, и открылась входная дверь.

«Волнуется. Как же Я так...? Дура!» – Ольга накинула на себя халат и заглянула в спальню. Маленькая дочка крепко спала, единственная, не переживающая по поводу того, что в ближайшее время не увидит отца. Оля задержалась в дверном проёме и задумчиво смотрела на лицо малышки.

Ева унаследовала от отца густой тёмный волос, шикарные ресницы, которым позавидовала бы любая модель, аккуратный нос и тонкие губы, к сожалению для Ольги, обладательницы широких губ и русых волос, крашенных в чёрное с синим отливом. Малышка казалась копией отца, что первое время даже немного огорчало её мамочку. С другой стороны, любого родителя должно больше всего волновать только здоровье своего ребёнка, и Оля не была исключением. Однако каждый день она требовательно искала хоть что-то, любую мелочь, которую могла бы унаследовать от неё дочь: длинные пальцы, фигуру, разрез глаз или форму ушной раковины. Может быть округляющиеся младенческие ножки? Темнеющие и подчёркивающие светлые глаза брови? Или флегматичный темперамент, привычку, интонацию голоса? Но нет, осталось лишь надеяться, что со временем черты лица начнут меняться, взростеть и напоминать отчасти материнскую внешность. Ольга обняла себя, с удовлетворением пробегаясь по изгибам тела и прикасаясь к наполненной груди, прикрытой шёлковым пеньюаром. Не без труда она вернула себе подтянутую фигуру, сексуально и женственно очаровывающую, притягивающую. Правда, единственным мужчиной, вниманием которого Ольга дорожила, являлся только её муж, Константин.

В противовес всем доводам и её вкусам, крепыш-брюнет чуть выше среднего роста покорила её сердце с первого взгляда и первого слова. С первого свидания и первого кусочка лакомого десерта. Хорошо, когда твой муж – повар. Плохо, когда он работает почти круглые сутки в ресторане, и дома сил на готовку уже не хватает. И очевидно, он мог бы часами критиковать твою зажарку к супу, слишком крупно нарезанную зелень, или ещё хуже – не вовремя подсоленную воду, а сверх того – приготовленные на ужин полуфабрикаты из магазина, заваренный на ужин доширак. Но Константин никогда не критиковал стряпню своей супруги, пусть не всегда всё было идеально.

Оглядываясь в прошлое, четыре года от их первой встречи, Ольга продолжала задаваться вопросом: почему они сейчас в браке? Как так вышло, что их ребёнку уже год? Почему она не успела оглянуться, как всё пролетело, словно один день, как сон, история, где её не спрашивали, согласна ли она участвовать во всём этом?

Была ли она счастлива? Должна была быть. Но почему-то это чувство было прозрачно и скоротечно, словно сухой песок, скользящий сквозь пальцы.

И она зарывалась с головой в этот зыбучий песок, с ежедневными и однообразными хлопотами с ребёнком, словно застревая в «дне сурка».

Была ли она несчастна? Нет. Она улыбалась, глядя на свою маленькую дочь, и с радостью встречала мужа, понимая, что только с ним и была бы готова создать семью, только в нём была уверена. Кроме того, желающих нянчиться с ребёнком было достаточно, а тут ещё денежная помощь от государства в виде ежемесячного пособия. И **дом**. Свой собственный дом. Наследство от бабушки мужа.

Частный дом. Небольшая старая одноэтажная пристройка с высокой крышей и просторным чердаком. В уютном дворике аккуратно расположились несколько шин, переделанных в клумбы для цветов. Круглый год там торчали листья ирисов, в этом году они даже цвели своим удивительным сиреневым цветом. В уголке двора под старыми перекрашенными воротами был ещё небольшой кусок земли, высотой по пояс, декоративно украшенный небольшими камушками с ладонь взрослого человека. Особый шарм придавал и плющ, бегло распространившийся вдоль камней. Очень удачное сочетание.

В этой необычной клумбе разрослись выющиеся розы. Только из-за отсутствия ухода, они угрожающе нависали над двором, опираясь тяжёлыми стволами-ветвями о ворота и проволоку, натянутую для белья. Розы были алого цвета. Красиво цвели, а когда опадали – у клумбы расстилался нежный и плотный ковёр из ярких лепестков. Розами давно следовало заняться, но ни у Кости, ни у Ольги так и не находилось времени, чтобы немного обрезать стволы, убрать засохшие ветви. В этом месте было так приятно находиться: словно кустарник мог укрыть

от каких-то забот. Ольга выходила по вечерам, выпивая кружку чая или кофе, и всё спрашивала: что скрывают эти розы? За острыми шипами, за нежными лепестками, за очаровательным запахом – хранилось что-то таинственное. Что-то, что осталось в забвении вместе с умершей бабулей.

Уютный дом красовался просторным чердаком, который они решили переделать во второй этаж и огромную детскую комнату. А внутри дома, на чердаке, хранилось несчётное количество хлама и металлолома, старой мебели и множества раритетных вещей: граммофон с пластинами, самовар и набитый различными сервизами сервант, старинные часы, идущие, когда по ним постучать, и разнообразие бесконечных статуэток, ваз, деревьев из бисера, вязаных пледов, фотографий и пыльных испорченных книжек. Была и посуда, спрятанная в шкафчиках с плесенью, и застеленные старыми рассыпающимися коврами бетонные полы.

Ещё одним примечательным элементом в одной из комнат было единственное окно, которое смотрело не на улицу, а на чердак.

Это действительно было небольшое окно в потолке, много лет назад служившее просто переходом по лестнице на чердак с первого этажа. Сейчас же комната была переделана под спальню для гостей, а дыру облагородили до состояния окна. Теперь на чердак попадали с внешней стороны дома по лестнице. Окно же в комнате пока никому не мешало, и его судьба собиралась решиться, как только начался бы очередной ремонт.

Да, поначалу предстояло много работы. Этот дом, хоть и был в хорошем состоянии, но нуждался в ремонте то здесь, то там, не говоря уже об условиях для маленького ребенка. Первое время Ольге пришлось жить у родителей, чтобы привести дом в порядок, хотя бы жилые нижние комнаты, включая спальню, кухню, ванную.

Но теперь это был их дом. И это во многом укрепило их отношения, их жизнь. Свой дом, где будет подрастать их маленькая дочь. Свой уголок, где безопасно, уютно. Где всё, что их окружает – сделано совместными усилиями. И это согревало их в первую холодную зиму – когда отопление едва обогревало одну общую комнату, и приходилось сидеть в тёплых вещах, и держать при себе малышку. И это помогало им пережить сезонные дожди, ухаживать за запущенными клумбами растений во дворе, сделать первую качель для дочери и маленький детский уголок. Собрать друзей в весёлый вечер, уединиться под фильм. Уснуть втроём на кровати, обнимая друг друга. Кричать от бессилия и выгорания под истерику. Хохотать во все лёгкие от смешной выходки или истории. Радоваться первым успехам маленькой Евы.

Да, это был их дом. Где они начинали свой путь родителями, едва прожив четверть века, получив образование и пустившись во взрослую жизнь.

И вот теперь, когда Константину должно исполниться 27 лет, не хватило всего одного месяца, он отправляется в армию. Откосить не удалось.

Эта новость ошеломила и выбила из привычного строя. Мгновенно последовало увольнение, покупка необходимой мелочи, сбор армейской сумки, быстрое завершение мелких погрешностей бесконечного ремонта, покупка долгохранящихся продуктов. Нужно было предусмотреть всё, и в какой-то момент Ольга поймала себя на мысли, будто её муж никогда не вернётся, и он завершает все неоконченные дела, пишет пароли, какие-то заметки для неё, словно зловещее завещание с непростым наследством.

Это, конечно, было непросто. Принять удар, собраться с силами и не раскиснуть. Константину гораздо проще было принять новый статус призывника с уравновешенной супругой, а не рыдающей без остановки и причитающей о тяжёлой судьбе в безденежье с маленьким ребенком на руках яжематери. И Оля была ему той опорой, той заботящейся и любящей женой. Не жалуясь, она принимала своё положение и гордилась своим защитником, провожая мужа на службу. У неё, как она считала, не было другого выхода. К тому же после первых дней шока для грусти и слёз просто не было ни сил, ни желания. Остальное время требовала на себя дочь, которой грустные и уставшие родители были ни к чему. Чем ближе ко дню повестки, тем

больше приходило в их души смирение. Они просто приняли это как неизбежный факт, говоря о предстоящей разлуке не больше, как о долгой командировке.

«Я даже не волнуюсь. Нет ни малейшего страха или переживания. Ничего. Будто он вернётся вечером, после очередного рабочего дня», – Оля поджала губы. В комнату просочился слабый запах сигарет. Через секунду сухие губы мужа коснулись её щеки.

«Не колется. Побрился же вечером», – невольно подумала женщина и повернулась к Константину, обнимая его с мыслями, что это в последний раз, возможно, за эту ночь.

– Ложись, Я сейчас... – его шепот прервал шум на чердаке: это напоминало беготню светлого грызуна или частое махание крыльями небольшой птички, попавшей в нелётное узкое пространство.

Ольга переглянулась с Константином. Обычно он никогда не придавал особого значения подобному шуму. А такое происходило раз в пару недель, а могло не происходить и месяцами. В любом случае, на неоднократные просьбы супруги найти источник шума – мужчина отмахивался словно от какой-то нелепости. Сейчас она вновь увидела эти безразличные пожимания плечами. Но в отличие от Константина, женщину и вправду беспокоили эти шумы.

Звук длился недолго, но его было достаточно, чтобы разбудить малышку. Ева покряхтела и беспокойно начала оглядываться, в поисках мамы. Оля, по идеально сложенной привычке за год, подхватила ребёнка, чтобы убаюкать.

Константин не мешал. Он пробрался на кровать, чтобы поскорее улечься и заснуть.

– Чшшш, – прошипела как можно мягче женщина, глядя головку Евы.

«Поставил будильник? Мы увидимся утром? Нет, не буду спрашивать. Разбужу Еву», – Оля тихо вздохнула. Наткнулась взглядом на тёмный силуэт телефона на тумбочке.

3: 45.

«Красиво. Цифры подряд», – она почувствовала, что очень устала и хочет спать. И что не выспится, и будет с трудом справляться днём с дочкой. Вдруг ощутила на плече теплую руку и быстрый поцелуй.

– Спокойной ночи, родная.

«Я не могу говорить, Я разбужу ребенка», – с внутренним раздражением заявил голос в голове. Оля кивнула и улыбнулась в темноту мужу, зная, что он не увидит, но поймёт. Вскоре легла и сама, пытаясь ловко переложить дочь и найти среди одеяла руку Константина. О том, чтобы уснуть в объятиях, она не могла мечтать: Ева словно чувствовала, что маму трогают и просыпалась, будто на нюх, явно ревнуя.

Оля не помнила, как уснула. Но когда в очередной раз открыла глаза – за окном уже было светло. И хуже того – Константина не было в кровати.

В доме было тихо.

«Ушёл. Верно, уже слишком поздно. Поцеловал и ушёл. А Я... Даже не попрощалась», – Оля грустно уткнулась лицом в подушку. Хотелось спать, но горькое чувство вдруг сжало горло и не давало отрубиться так быстро, словно дразнясь, проворачивая эти мысли в голове.

Но вдруг она услышала скрип входной двери. И не успела поверить, как в комнату тихо вошёл Константин. Их взгляды встретились. Он улыбнулся. Она сглотнула, сдерживая слёзы. Оля хотелось тихо подняться и обнять мужа, ведь времени у них осталось совсем немного, возможно, он уйдет уже прямо сейчас.

«Только бы тихо... аккуратно», – но она не успела даже двинуться с места, как проснулась Ева.

«Рано. Ещё рано, сейчас уложу спать и смогу попрощаться. Только бы побыстрее вырубилась. Засытай!» – просила женщина про себя, с просьбой глядя на призывника. Костя наклонился и поцеловал обеих.

– Мне пора, – он сказал это шепотом, но получилось слишком громко. От неловкости, он запнулся, заметив недовольный взгляд ребенка, решившего увидеть, что это шумит. В глаза бросились наступивший день и одетый папа.

– Спи, дочь, – он усмехнулся и поспешил выйти из комнаты. Но Ева приподнялась вслед, не желая засыпать.

«Ах, постой! Постой, сейчас!!!» – Оля в спешке подхватила дочь и подскочила с кровати. Теперь уже было нечего терять, и ей так хотелось попрощаться, проводить солдата из дома. Пусть в неприлично коротком пеньюаре, со сна, с разбуженным ребенком на руках. Но ей хотелось ещё немного, ещё чуть-чуть его присутствия, ещё сказать последнее «прощай».

Костя неспешно обулся и уже не шептал:

– Проснулись. Проводить меня решила, дочка? – он улыбнулся и погладил малышку по голове, пока та усиленно терла глаза маленькими кулачками.

– Позвони мне, как только, так сразу! – попросила Оля, не контролируя предательское волнение в голосе. – Я буду... Мы ждём тебя. Каждый день. Всегда! И очень-очень любим тебя.

«Ах, нет, нет, это такие банальные фразы! Это всё не то, и совсем не то, что Я хотела ему сказать на прощание! Но что тогда сказать? Что сказать?!» – Оля явно выглядела растерянной, понимая, что время уходит, как воздух, когда слишком долго находишься под водой, и задержанное дыхание пузырьками поднимается вверх, заставляя задыхаться от бессилия.

Константин обнял её с дочкой, некрепко прижимая. Ей хотелось отложить это в памяти, запомнить, не забыть. И она понимала, что это так кратковременно и неуловимо, так быстро погаснет в памяти.

Поцелуй в щёку и ещё более скупой в губы. Он подхватывает рюкзак и быстрым шагом уходит по улице.

Оля машет ему рукой на прощание и улыбается. Костя улыбается в ответ, словно уже возвращается со службы, а не уходит на неё.

– Аппаааа паааа! Папапапа! – вдруг громко пищит Ева, радостно махая рукой удаляющемуся Константину. Оля тихо смеётся и машет рукой, пока муж не скрывается за поворотом.

Вот и всё. Вот так просто.

«Всё? Всё... Всё. Вот и всё. Да», – подтверждает мозг факт.

– Всё, Ева, – повторяет свои мысли Ольга. – Папа ушёл. Мы теперь его очень долго не увидим. Ну... Идём домой. Надо поспать ещё немного. Хорошо?

Ева засыпает почти сразу, и мамочка остаётся на минуту с мыслями о том, что теперь она одна с ребенком.

И ей не верится. Ей не хочется верить. Будто это сон. Но ей не страшно. Ей не грустно. И ей не радостно.

Ей хочется немного поспать. И просто...

«Просто не думать об этом» – приказывает Оля, прежде чем снова заснуть.

– **Я не забуду о тебе... никогда, никогда...**¹, – тихо напевала Ольга, мурча себе под нос, чем действительно озвучивая слова. Она не могла себе позволить лишний шум. Ей казалось, что даже падающие капли воды из душа слишком громко вытекают, разбиваются о пол. Любой мелкий шорох был таким нервирующим. А так хотелось хотя бы минуту спокойно постоять под потоком горячей воды, ни о чём не думая.

Ева крепко спала. Женщина прислушивалась, беззвучно поглаживая влажную кожу, подставляя лицо брызгам и выдыхая пар. Только слух оставался обострённым: чтобы суметь вылететь в любую секунду из ванной и прибежать к проснувшейся дочери. Но пока было тихо. И Ольга надеялась, что успеет закончить водную процедуру до пробуждения дочери.

---

¹ Песня российской рок-группы Агата Кристи

Раньше ей не приходилось так рисковать. Всегда можно было оставить ребёнка под наблюдение мужа, даже если он был на круглосуточных сменах – день или два потерпеть, это не неделю, месяц. Но сейчас они с Евой остались вдвоём. Теперь всё по-другому.

Ольга тщательно продолжала прислушиваться. Горячие капли приятно ударились о грудь, словно пули, пробивающие теплом кожу. Жар распространялся по телу, расслабляя, согревая, словно ласки любимого.

Малейший всхлип или шуршание, которые так нелегко различить в шумящем потоке воды, – мешали полностью расслабиться. Молодая женщина прикрыла глаза и попыталась хотя бы на несколько секунд перестать тревожиться: позволить этому водному прикосновению ублажать тело, губы, шею. Позволить себе немного забыться в уединении. Она улыбнулась воспоминанию.

В тот вечер, Ева так заигралась в песочнице, что песок сыпался со всех декоративных карманов, скрывался во вьющихся тёмных кудряшках, прилип ко лбу, рукам, покрывал маленькую ступню девочки словно вторая подошва.

Ева была щедрой на песок и в азарте сыпала из маленькой лопатки на свою маму, считая, что это очень весело. Оля веселья не разделяла, песок скрипел даже на зубах. Не смотря на все попытки отручиться на улице, песок лихорадочно покрыл кафель к ванной, где молодая женщина долго отмывала дочь в горячей воде. А когда уложила девочку спать, решила, что нет смысла сидеть в таком состоянии и ждать мужа. Напротив, следует как можно скорее убрать в доме, привести в порядок и себя. И вот, едва мыльная пена аккуратной шапочкой покрыла чёрные волосы в очаровательной причёске, начала медленно стекать по влажной коже, как Ольга услышала детский плач. В тот момент она запаниковала и тут же выскочила из ванной комнаты, хватая по пути полотенце, чтобы прикрыться и стереть с себя падающую пену. Она напоминала рождённую из пены Афродиту, скользила влажными ногами по кафелю, однозначно летящей во всех смыслах походкой. В тот момент Оля и не знала, успеет ли смыться? Может мыльная пена полопается раньше, чем любопытствующая Ева снова уснёт? В любом случае, с того времени Ольга принимала душ за две минуты. В прочем, это скорее напоминало обливание горячей струёй. Большого она позволить не могла, пока была одна. Так она считала. А потом Константина забрали в армию.

«А могла бы просто смыть с себя пену, обтереться и выйти к ребёнку без спешки. В декрете мозги совсем съезжают с пути логики».

Горячая вода продолжала ударяться о солнечное сплетение. Оля с блаженством выдохнула и прикрыла глаза. Уходить не хотелось. Было так хорошо. Она снова прошлась ладошками по влажным волосам. Высунула язык и подставила струе. Улыбнулась собственному баловству и выключила воду.

Стало тихо. Где-то за стенкой лаяла собака. Послышались голоса. Создавалось впечатление, что шумят сверху, на чердаке. Но она знала, что это из соседнего дома, только никак не могла понять, почему ей слышатся звуки сверху. Сейчас, летом, странные звуки уменьшились. Или она просто к ним привыкла и перестала обращать внимание? Костя предположил, что это мыши или птицы, чудом забравшиеся через щель. Правда, ничего подобного они так и не наблюдали: не было никаких следов присутствия живности, самих животных или других признаков, почему раздавались странные шорохи.

«Нéкогда, нéкогда! Мне совершенно нéкогда здесь торчать!»

Она вышла из ванной, обмакивая влажную кожу полотенцем. Стыдиться было некого, и она без скромности прошлась голышом по дому, завернув волосы в полотенце. Её малышка крепко спала, представляя собой самое невинное и прекрасное существо в мире, такое нежное и милое, что хотелось лечь рядом, обнять этот маленький комочек, этого маленького человечка, и больше не знать никаких тревог, забот, печалей. Только добрый, сладкий, долгий сон в маленьких объятиях. Оля поразилась своим ощущениям и мыслям: она никогда в жизни

не могла себе представить, как появление маленького ребёнка в жизни может так существенно повлиять на сознание взрослого человека. Разумеется, она слышала и читала множество историй о материнской любви, но представлять и видеть – совсем не одно и то же, что и испытать всё самостоятельно. В этом была какая-то удивительная сила чувств и эмоций. Сознание словно диктовало давно забытые знания по общению и заботе о ребёнке, не смотря на то, что она никогда ранее не только не держала, но и не видела настолько маленьких детей, не представляла себе начало материнского пути, будто это что-то невозможное и далёкое. Будто это никогда с ней не случится, а если случится – то это будет так не скоро.

«И вот уже прошёл целый год. Год!!! С ума сойти, Оля. Как мы выжили?»

Мама легла рядом, едва касаясь пальчиками волос девочки. Она хотела погладить маленькую головку, которая с каждым днём становилась всё умнее, хитрее и сообразительнее.

«Она начнёт говорить новые слова. Она будет бегать всё увереннее, перестанет держать меня за руку. Будет бегать за другими детьми, хлопать в ладоши от радости, подражать другим малышам. Учиться. Удивлять и удивляться. И всё это будет без тебя», – женщина с грустью посмотрела на пустую подушку с другой стороны кровати. Что-то вдруг отозвалось в ней ощущением одинокого существования. Оля нежно прижала подушку к себе. Она почувствовала запах. **Его запах.** Запах родного человека, тепла и улыбки. Запах его волос, ярких глаз и умиротворённости. Запах мужа.

Так близко, совсем рядом. Так далеко.

«Так невозможно описать такое простое чувство. Он не пахнет пшеницей или выпечкой, мужским потом или одеколоном, гелем для душа. Нет, это его природный запах. Его не спутаешь, хотя и не ощущаешь, когда он рядом. Этот запах так будоражит что-то внутри, ведь он такой родной. Такой... тёплый? Как запах может быть тёплым? Как запах может быть... таким? В нём нет ничего конкретного, чтобы ассоциировать с чем-то знакомым. Но Я точно знаю, что это его запах. Это Костя. Не могу найти слов, чтобы понять...»

Оля дышала и не могла надышаться. Как-то грустно вздохнула, начиная взбивать подушку. Она всегда так делала. Каждую ночь. Для него, будто он и сегодня придёт и уснёт рядом с ними. **Нет.**

– **Сейчас-сейчас!** – Оля поспешно обувала девочку в маленькие сандалии. Ева кряхтела и всячески извивалась, явно не понимая, почему нельзя выйти на улицу прямо сейчас. Мама терпеливо и настойчиво всовывала маленькую ножку, проверяла, удачно ли встала пяточка на своё место, прежде чем с резким звуком липучки закрепить обувку.

– А-а-а-а!!! – нетерпеливо капризничала Ева.

– Всё! Ты готова! Прощу, – женщина выдохнула, открывая входную дверь, в которую с огромной радостью, словно маленькая собачка, поспешила маленькая годовалая крошка. Ева так хотела поскорее выбраться на улицу, что сама пыталась найти опору руками, чтобы спуститься с невысокого порога дома. Но к тому времени, как она решилась сползти или шагнуть самой – мама уже протянула свою руку, чтобы можно было уверенно и безболезненно выбраться «на волю». Пока Ольга закрывала входную дверь, девочка с радостным писком и неуверенными шагами спешила подойти к воротам. Ева обожала гулять.

– Открываю ворота, – предупредила женщина, щелкая ключом в замке. Малышка нетерпеливо замахала руками, намекая, что теперь собирается ехать на маминых руках. Оля вздохнула и покорно подняла девочку, с трудом запирая ворота, едва выбравшись в небольшой переулочек. Кто-то шёл по переулочку, и женщина повернула голову, беззаботно улыбнувшись:

– Добрый день!

Среднего возраста женщина с пакетами приветственно улыбнулась и кивнула в ответ, что-то сюсюкая Еве.

Их дом находился в самом начале переулка, что, как казалось Оле, было очень удобно. Чем дальше к концу переулка, тем сильнее был наклон вглубь.

В переулке было несколько семей и с малышами, как Ева, но встречались они очень редко. Молодая мама не особо огорчалась этому факту: сейчас её дочери почти не были интересны сверстники, куда интереснее было общаться со взрослыми и пытаться копировать их повадки, что иногда выходило очень забавно.

За эти полтора года Ольга неплохо запомнила лица живущих соседей, с некоторыми даже была хорошо знакома. У неё не возникало конфликтных ситуаций, и, не смотря на круглосуточную привязанность к своему ребёнку, она умудрялась оказывать помощь соседям. Справа от них, в небольшом доме с голубыми воротами, жил высокий мужчина шестидесяти лет. Он чем-то напоминал ей собственного отца: такой же худощавый, аккуратно одетый, с подобной манерой речи. Но на этом сходство и заканчивалось.

Иван Андреевич некогда имел конфликт с бабушкой Константина, в подробности коего Олю не посвятили. Но так ли это было важно? Молодая женщина ни минуты не колебалась, когда впервые встретила его в переулке, приветливо здороваясь и знакомясь. Он жил вместе со старшей сестрой, за которой и ухаживал, некой Валентиной Андреевной, которую Оля видела всего дважды. Пожилая женщина, очевидно, тоже не имела никаких претензий ни к Ольге, ни к Еве, напротив, улыбалась и сюсюкалась с малышкой, пока та смущенно пряталась в ногах своей мамы.

Константин в первое время очень нервно реагировал на то, что Ольга со всеми здоровается в переулке.

– Моя бабушка с ними не дружила, и Я тоже не здороваюсь поэтому, – словно маленький ребёнок, проговорил как-то он.

– Дорогой, ты уж прости, но Я не в курсе ваших проблем. И к тому же, лично у меня с ними нет никакого конфликта. Дружить Я с ними не собираюсь тесно, в гости на чай звать – тоже. Но ведь это наши соседи. Мы живём рядом. Нам рано или поздно может понадобится помощь друг друга. Так не лучше ли немного наладить отношения?

– Возможно... возможно ты и права. Ладно... придётся и мне теперь с ними здороваться.

По соседству слева, за кирпичного цвета воротами, был огромный двор, разделённый на несколько семей. Ольга знала там немногих: сверстницу Юлю с трёхлетним мальчиком Егором, старого дядю Сервера (близкого друга семьи Кости), знала о нескольких старшеклассниках, часто выходящих покататься на роликах по вечерам. Ещё ниже, по переулку жил десятилетний Денис, который каждый день катался на велосипеде и угощал Еву печеньем. В самом конце переулка был полузаброшенный двор, в котором жили несколько мужчин, на вид довольно неблагополучного состояния. Но даже с ними Ольга не брезговала здороваться. И они отвечали взаимным дружеским приветом. Оказалось, всё не так страшно, если быть немного человечнее друг к другу. Однажды Константин принёс несколько пакетов различной выпечки с мероприятия в их ресторане. Еды было так много, что они точно не сумели бы осилить всё. Ольга с жалостью глядела на чудесные пироги, которые вскоре зачерствеют и пойдут на сухари или корм для голубей, поэтому рискнула угостить мужчин из переулке при встрече. Она верила, что их удивление и благодарность были искренними.

В том же доме жила странная бабулька. Оля считала, что у неё уже поехала крыша, но всё равно продолжала быть вежливой. Этот божий одуванчик каждый день выходила кормить голубей. И всё бы ничего, но она шла именно в начало переулка, выбрасывая по буханке хлеба. Голуби каждый день выжидали свою кормилицу, воркуя на крыше высокого частного дома. Поразительно, но стены здания оставались нетронутыми и чистыми, что нельзя было сказать о крыше, обильно украшенной птичьим помётом.

– Гули-гули-гули-гули-гуу-у-у-у-ли, – приговаривала на особый маневр звонко бабулечка. – Где вы мои хорошие? Идите, летите! Идите сюда. Летите мои хорошие. Спускайтесь! Гули-гули-гули-гули-гуу-у-у-ули!

Да, определенно, Ольга немного сковывалась и боялась с ней общаться. Но Ева была в восторге от повелительницы голубей и её умения призывать пернатых в любое время суток.

Был в конце переулка скромный домик с необычной семьёй: их отцом был инвалид, сверстник Константина. Он всегда здоровался и интересовался успехами Евы, был приветлив, хотя и немного пугал Олю. Пугал внешним видом. Кроме иксообразной походки и скрюченного позвоночника, из-за чего он был совсем невысокого роста, его руки вечно были согнутыми и расставленными в стороны, а лицо перекошено в неприятной гримасе. Голос его был высоким, будто он всегда жаловался, нечётко произносил предложения, будто это было также нелегко, как и шагать в его случае. Глаза смотрели в разные стороны, отчего Оля не всегда могла понять: как он видит и вообще так живёт.

Константин говорил, что когда жил у бабушки в юном возрасте, то Геннадий всегда был таким. И ничего: школа, жена, ребёнок (здоровый и совершенно обычный) и даже собачка. Как? История умалчивает. Ольга была поражена, но не могла не верить, потому что видела эту семью вместе, и не оставалось никакого сомнения в правдивости слов супруга. Она всегда чувствовала какую-то неловкость при появлении Гены, будто виновата в том, что видит вместо личности – сломанного внешне человека. Вряд ли бы она захотела жить так. Вряд ли бы захотела подарить такую жизнь своему ребёнку. Может ли быть такой человек счастливым? И какой ценой?

Ещё молодая мама сдружилась с одинокой восьмидесятилетней старушкой с середины переулка – Марии Петровны. Ненавязчивые разговоры по вечерам вскоре превратились в заботливое общение. Старушка каждый вечер прогуливалась по переулку, медленно шагая, испытывая трудности с передвижением. Оля предложила помощь, покупала продукты. В прочем, месяц назад Мария Петровна уехала в санаторий. И судя по тому, как тщательно внуки грузили немногочисленные вещи бабули – увезли её с концами.

И всё же, этого было достаточно, чтобы вызвать доверие и уважение к молоденькой мамочке из начала переулка. Оля не сомневалась, что в случае возможных проблем – соседи не оставят её в беде. Она верила в человеческую добропорядочность. Верила, но надеялась по-прежнему только на себя.

Но, не смотря на добрые отношения с соседями, Ольга решила не рассказывать всем, что Константина не будет в доме целый год. Лучше перестраховаться и вести себя так, будто ничего не изменилось.

«Он возвращается по ночам, уходит рано утром. Его и до этого не часто могли на улице замечать. Да и он не особо приветливый. Зашёл себе домой в своих мыслях, всем и дела нет. И ему нет. Про него, может, и помнят только потому, что знают меня и видели нас вместе пару раз. Как глупо. И как нелепо... Да... надеюсь, никто не заподозрит ничего»

– КСИСЯ!!! МЯЯЯЯ!!!! – вдруг запищала Ева, быстро перебирая своими маленькими ножками, и Ольга, отвлекаясь от своих мыслей, вдруг испуганно побежала за дочкой, гонящейся за котом. Мама бежала и боялась дышать: она впервые видела, как её малышка самостоятельно бежит! Так быстро, легко, неловко и так необычно! Так смешно. И так опасно! Оля с ужасом протягивала руки, понимая, что всё равно не успеет поймать свою малышку, когда та споткнётся о собственные ноги и упадёт. И ей оставалось только подстраховывать воздух у маленького тельца в розовом платице, стремительно бегущего за маленькой серенькой кошечкой.

Женщина с пакетами обернулась и умилительно улыбнулась.

Ева остановилась, чуть не упав, и начала заразительно хихикать, показывая крохотным пальчиком на животное, прячущееся за машиной.

– Васька! – позвал Денис, выехавший из-за ворот дома на своём велосипеде. – О! Здравствуйте! Привет, Ева!

– Привет, – весело поздоровалась Оля. Ева едва обратила на мальчика внимание, присев на корточки и пытаясь углядеть, где прячется кот.

– Васька! Кс-кс-кс, – позвал мальчик, нагнувшись и пытаясь рукой дотянуться до шерсти питомца. Кот шмыгнул из-под машины и испуганно посмотрел на людей. Ева зашлась хохотом и собиралась догонять котика, но Денис опередил её и успел поймать четвероногого, подставив к рукам девочки. Ева от неожиданности растерялась и счастливо раскрыла рот, не зная, что теперь делать. Оля тут же подскочила и подхватила маленькие ручки, чтобы научить дочь легонько гладить котика. Но оказалось, что девочке гораздо интереснее было бы играть в догонялки с животным, чем гладить. Какая скука.

– Смотрите! – вдруг заявил Денис, заскакивая на велосипед и начиная разгоняться на подъём к переулку. Оля повернулась, не отпуская руку Евы. Девочка с равнодушием смотрела на уезжающего мальчика, больше заинтригованная поведением кота Василия. Денис же начал катиться вниз, пытаясь поднять переднее колесо. У него получилось на короткое время. Оля, понимая, что мальчика следует вознаградить похвалой, поаплодировала и сказала «Молодец!». В прочем, ей показалось, что ничего особенного он, конечно, не сделал.

«Когда Ева делает какую-то ерунду, Я хвалю её. Я понимаю, как это важно, не упустить появления каких-то навыков, маленьких или больших. Даже поставить один кубик на другой – это для неё большой труд. А Денис? Он вроде уже большой мальчик. А стоит ли мне так же поощрять его похвалой за то, что мне кажется мелочью? Хвалила бы Я Еву? Я бы, наверное, заставляла её надевать наколенники и шлем».

Васька убежал в щель под воротами, чем заставил Еву возмутительно крикнуть.

– Котик побежал отдыхать домой, Ева. Помаши-ка ему ручкой, дорогая, – ласково обратилась Оля к девочке. – Пока-пока, котик! Отдыхай!

– Апа-апа... маааф, – Ева послушно помахала рукой и оглядывалась, не вернётся ли зверь в переулок. В прочем не важно: вернётся он или нет. Главное, что мама потащит её на детскую площадку на своих руках.

– **Не успела,** – Ольга грустно вздохнула, в обоих смыслах опуская руки. На дисплее телефона горело сообщение о пропущенном вызове десять минут назад. Вызова Константина.

Это был его первый звонок, спустя три недели тишины. Несколько раз он писал краткие сообщения, какую-то информацию один раз сообщили его родители, звонившие на прошлой неделе. Всё это было таким кратким и невесомым:

Всё в порядке. Распределят на следующей неделе.

Нас привезли в часть. Я сам позвоню, когда получится.

Всё очень жёстко. Но мы привыкли. На днях позвоню.

Привезли новеньких. Скоро распределение. Люблю Вас.

У нас провинился пацан. Будем неделю без телефонов.

И вот теперь, когда у него наконец-то появилась возможность позвонить, она не смогла ответить. Она не успела подойти к телефону. Она не могла успеть. Она не могла знать, что он позвонит.

Ольга почувствовала бессилие, отчаяние и бесконечную грусть, неподъёмным грузом свалившую её на край кровати.

«Ты виновата. Только ты. Скоро месяц, как его нет рядом, а ты просрала единственный шанс, чтобы его услышать. Он и так не может часто выходить на связь, а когда мог позвонить – Ты оставила телефон на беззвучном режиме в другой комнате, а сама смотрела на спящую дочь. Так тебе и надо».

Оля посмотрела на дисплей, словно ожидая, что сейчас ей снова позвонят, что всплывёт сообщение от любимого. Но экран темнел через несколько секунд бездействия.

«Может, если Я... Нет, звонить нельзя. Но, возможно, если Я напишу ему... Вдруг?...он мне перезвонит? Если ещё не поздно»

Ольга взглянула на спящую дочь и про себя попросила, чтобы девочка не проснулась в ближайшие минут десять. Ей хватило бы даже двух минут. Одной минуты голоса любимого. В прочем, кого она обманывает? Ей не хватило бы даже часа.

Ей казалось, что прошло так много времени, прежде чем она нажала первые буквы сообщения. А потом телефон в руках завибрировал.

– ДА? – она не верила в то, что сейчас происходило, не верила, что услышит его голос.

– Любимая! Наконец-то!

– Кость! Как... **как Я рада тебя слышать**, – Оля чувствовала, как горло сжимает спазм, но её переполняло счастье и безграничная радость. – Я так боялась, Я думала, что уже сегодня...

– Родная, у меня совсем мало времени, – перебил её он. – Скажи мне, как Вы там? Как Ты? Как Ева?

– Ах, прекрасно, прекрасно. У нас всё хорошо. А ты как?

«Нет, нет, это всё такая ерунда, зачем мы тратим на эти вопросы время? Конечно же, всё хорошо, так зачем мы спрашиваем. Мы говорим всё не то, не то! Так хочется, так хочется... сказать обо всём, но что именно нужно сказать, мы не знаем!»

– Нас распределили! Я служу в пехоте! Завтра нас отвозят в роту. Стану звонить уже чаще.

– Да, да, – Оля вдруг поняла, что не знает, что сказать, но ей только хотелось, чтобы он говорил, и не прекращал, чтобы время остановилось.

– Как дома дела? Не страшно самим? Справляетесь без меня?

– Да. Но тебя не хватает. Я... Я... Я так... Без тебя немного одиноко, да. Ева ищет тебя и зовёт. Не плачет, но видно, что не может понять, где ты. Она всё уверенней ходит! А Я... мне столько хочется сказать тебе. Мне... Знаешь, Я так взволнована, Я боялась, что уже не услышу тебя, потому что опоздала, когда ты звонил в первый раз.

«Он теперь солдат. Он теперь не может говорить эти нежные сопливые „люблю тебя“, „скучаю“. Что ж ты несёшь? У Вас совсем нет времени».

– Я очень скучаю, Оля. По Тебе. По малышке. Поцелуй её за меня.

– Конечно, Кость, – женщина почувствовала, что вскоре нужно будет прощаться. Этот тон голоса, это скверное чувство заставляло сердце сжиматься.

Она совершенно забыла всё, что хотела рассказать. Слова разлетелись из головы, словно голуби от бегущего ребёнка: в один миг всё вспорхнуло и исчезло безвозвратно. Её переполняло только отчаяние, что она не может задержать эту минуту. Будто малое дитя, схватившись за платье мамы, лишь бы она не уходила, Оля хотела ухватиться за каждую секунду телефонного разговора, но не могла. Не могла остановить время.

Между ними возникла короткая тишина, будто предвестник конца разговора. Ольга вздохнула, словно хватала последний воздух между ними.

– Мне пора идти, родная.

Она не смогла выдать прощание, улыбнулась в тишину.

День сурка продолжался. Проснулся, завтрак, утренние процедуры, прогулка, сон, обед, прогулка, ужин, купание, сон. И по кругу. Каждый день. Изо дня в день. Менялись только парки, дети и иногда появлялось время на игры дома. Но основной темп жизни не менялся, затягивал, словно зыбучие пески: безвозвратно, без спасения, без надежды.

Можно было относиться к этому как данное, и просто наслаждаться материнством: спать, пока не проснется ребенок, почти ничего не делать по дому, гулять, где хочется и наблюдать, как маленький человечек с каждым днём становится взрослым. Как он учится взаимодействовать с предметами, пытается найти контакт с детьми разного возраста. Хотелось утешать в трудные минуты и безумно радоваться успехам в элементарных действиях.

Но таким дням также приходили и довольно скучные и однообразные, бесцельные бродяжки по улицам, утомительное нытьё и ожидание, когда же этот день закончится. Формально, он заканчивался ночью. Реально – он не заканчивался никогда.

Разнообразие вносили приезжающие родители, сестра, подруга и даже друзья мужа.

Кто-то ограничивался одним часом, проведая молодую маму и маленькую девочку. Кому-то хватало телефонного разговора. Или, самая малость – откликнулись несколькими сообщениями в социальных сетях.

На фоне знакомых Оля видела, как бесцельно тратят время другие, словно не зная ему цену. Вот она уж точно знает, что значит успеть сделать сразу несколько дел за пять минут, пока ребенок не обращает на тебя внимания или может вот-вот проснуться. Каждая секундошка на счету, не говоря уже о возможностях и риске выбраться куда-то вместе с ребенком.

Всё познаётся в сравнении.

Сейчас был один из любимейших периодов Ольги: у них с дочкой было прекрасное настроение, они баловались на детской площадке в центре города, катались на разных качелях и вполне чудесно проводили время. Ева то и дело просилась к другим малышам, желая участвовать во всей суматохе, какой бы она не была: песочница, карусели, очередь на горку или догонялки по всей площадке – глаза разбегались, и мамочка только и успевала всюду бегать, подстраховывая свою непоседу-дочь. В конце концов, к наступлению темноты, на площадке остались единицы детей, и то только что проходивших мимо с родителями, явно не думающих надолго задерживаться.

Оля видела, что её дочь, хоть и развлекалась уже более трёх часов, не спешила покидать качели.

Женщину отвлекло чьё-то приветствие.

– А кто тут у нас? Привет!

Оля не скрывала удивления от неожиданной встречи и сперва даже растерялась, но позволила себя обнять, улыбнулась в знак приветствия и более не спускала взгляда с дочери: хватило бы одной секунды, чтобы свалиться. В прочем, сейчас она быстро пыталась предвидеть, чем может закончиться их дальнейший диалог с другом Кости. Ведь бывших друзей не бывает? Хотя Яша исчерпал все возможности считаться другом.

Константин и Яша росли в одном переулке в школьном детстве. Потом Яша переехал, и они продолжали видеться в школе. Костя вспоминал, что Яша всегда был немного странным. Пухлый мальчишка всегда считал, что прав, при этом искажал всю правду до невозможности её сути. Очевидно потом он это понял и искал какое-то определённое истинное мнение, подкреплённое аргументами. Чем больше аргументов по тому или иному вопросу – тем правильное мнение. Личных заключений Яши особо никто не дожидался слышать. Возможно потому, что он боялся, что его мнение не может быть правильным: аргументов не находилось. Так или иначе, с ним особо никто не хотел спорить и общаться из-за довольно специфического юмора. Кроме Кости, конечно, хотя ему и самому было удивительно, почему они вообще дружат.

Они проводили большое количество времени вместе: бродили по городу, делились мыслями, ходили в походы, играли на гитарах, играли в PS4, смотрели фильмы, и каждый раз спорили. И чем старше, тем больше Константин задумывался о том, чего может добиться Яша в жизни, с таким отношением ко всему. Получив по высшему образованию, Константин тут же начал искать постоянную работу, устраивать свою жизнь. Яша, как и при школьных временах, снова раздавал листовки, потом связался с группой аниматоров. Сперва несерьёзно. Потом его затянул коллектив. Затянул своими взглядами на жизнь, алкогольными и не только тусовками.

Когда они встретились через год, Константин не сразу узнал в своем пухлом друге с детства – похудевшего, смуглого парнишку с совсем неповзрослевшими мыслями. Тогда он в первый раз просил в долг. Немного. Возвращал долго. А потом снова.

И снова. Отговорки были разными и странными. Как и наблюдения, почему даже в жаркую погоду Яша всегда носит одежду с длинными рукавами.

Какое-то время Константин пытался сохранить дружбу между ними, открыть глаза этому новому человеку: что следует заниматься чем-то серьёзным, а не оставаться в организации, где сотрудники должны оплачивать себе место и скидываться на собственную зарплату. Очевидно, что это просто не совсем удачная компания. Но Яша и слушать не хотел. Напротив, собирался «гастролировать» с лидером, ведь они были большими друзьями.

Оля впервые встретила Яшу почти год назад. Сперва он показался ей ничем не примечательным молодым человеком. Он не был особо красив, но в нём была своя харизма, которая улетучивалась за секунды, стоило ему начать говорить, а в особенности шутить. Ведь Яша считал, что шутит отменно. Поэтому и *петросянил* по поводу и без. Это получалось скверно, из-за чего сразу хотелось поскорее закончить общение.

Его большие карие глаза раскрывались ещё больше, когда он начинал спорить, иногда диалог невозможно было поддерживать из-за его несостоятельных «ага... ммхм... да... Я понял... ну да». Иногда он словно вспоминал прошедший разговор и вдруг начинал сыпать несвоевременными подробными вопросами, так же бесцельно заканчивая беседу. Однако, стоило заикнуться о деньгах – всё волнение исчезало.

– Так выросла! Это сколько уже ей? – любопытствовал Яша, корчя морды малышке.

– Год и два месяца, – ответила Ольга, не спуская взгляда с Евы. Её забавляло смятение на лице дочери. В итоге, девочка беспомощно взглянула на маму и начала проситься на руки, очевидно пытаясь спрятаться от внимания мужчины.

– Ага... ясно-понятно. А... Э... Вы так поздно гуляете?

– Да, ждём мою сестру с корпоратива, она хотела приехать на ночь, – не задумываясь, соврала Ольга, чтобы пресечь попытку Яши проводить её до дома и зайти на чай.

– А! О! Так у тебя сестра есть? – заинтересовался мужчина, хитро улыбаясь.

– Да, старшая, она уже замужем. Я, кажется, рассказывала? – беззаботно продолжала врать женщина, придерживая ребенка на руках.

– А-а-а, – как бы вспоминая, протянул Яша, но на деле Оля точно была уверена, что он не помнит об Алёне. – Да, точно. Ага... Наверное.

Молчание затянулось.

– А ты с работы? – поинтересовалась Оля, ради приличия, пока Ева снова попросилась на качели и уже с нетерпением дёргала руками, чтобы её катали.

– А? Даа, ага... – как-то растерянно ответил Яша, глядя на девочку.

Оля перевела внимание на свою дочь, когда через минуту услышала:

– Что?

– М?

– А, ты спросила, а! Да! Я с работы? Или что ты хотела сказать?

«О хоспаде», – подумала про себя женщина.

– А что там Костик? Костик-Мостик. Малая – копия, ага. Маленький Костик. Костикаа-а. Костя-а... Костямбочка.

Ольга мысленно выругалась, но решила, что на больных людей не обижаются.

– Неплохо. Звонит иногда. Служит. Там всё строго.

– А это ты теперь только на пособие живёшь, получается? Или на что вообще?

– Ага, ну, учусь выживать, на месяц хватает, – Оля решила не вдаваться в подробности, тем более, перед Яшей.

Мужчина, хотя его больше хотелось назвать неотёсанным пареньком, почесал затылок.

– Ну... э..да. Точно. А Я не могу выплатить кредит. Осталось 47 тысяч.

Оля сделала сочувствующее лицо и поблагодарила мысленно свою дочь, что не пришлось отвечать собеседнику, так как девочка вдруг раскричалась и понеслась вперёд, чуть ли не слетая с качели, держась за руки своей мамы. Не иначе увидела пробегающего мимо кота.

– Такая шустрая! – услышала она мужской бас Яши. Он неспеша догнал их через минуту. – А вы ждёте, да? Я думал Вас провести, а то мне по пути. Я мог бы с Вами подождать.

«Ах, принесла нелёгкая», – Оля постаралась никак не реагировать на предложение Яши, в то время как Ева начала хныкать и нервно поглядывать на преследующего их дядьку.

– А это чё... типа... она боится меня? – спросил мужчина.

– Не знаю, Я такое впервые вижу.

– О...э... Ладно, Я тогда пойду. Или подождать с Вами? Не страшно будет ночью идти?

– Она с мужем будет, так что – не беспокойся.

– Ага... ясненько... ну... ладно тогда. А то Я мог бы Вам компанию составить... нет?

Ага, ага... Ладно, пока! Костямбочка! Косте привет!

Оля безошибочно сказала бы, что в ответ на привет от Яши её муж бы передал: «когда вернёшь 10 тысяч?».

Этот долг они внесли в залог за «друга», когда будущая мамочка была на восьмом месяце беременности. Яшу поймали с поличным на повторном воровстве из супермаркета разных дорогих и бестолковых продуктов: колбасы, конфет, кофе и... женских колготок. Чтобы парня не отдавать под полицию, охранник предложил внести определенную сумму как штраф и расстаться на этом. Они поехали в 11 ночи на такси, чтобы вытащить пропавшего Якова, а заодно узнать, что заставило его пойти на такой поступок. Удивительно, но возле супермаркета они заметили нескольких из шайки аниматоров, спокойно попивающих кофеёк у входа. Ну а Яков благодарил со слезами, что его спасли (а то мама бы не выдержала!), обещал вернуть долг в следующем месяце (ребенок же родится, деньги нужны). Ещё он начал оправдывать своих товарищей аниматоров, что они пытались помочь и скинуть деньги на карту (но ничего не вышло, в прочем, что им мешало снять деньги и отдать залог?). А потом и вовсе жалел, что его поймали во второй раз, и что нужно было вести себя иначе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.